

А. В. Гринёв

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ РУССКОЙ АМЕРИКИ НА СТРАНИЦАХ РАБОТ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ, ГЕОГРАФОВ И ДРУГИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Статья посвящена критическому анализу публикаций отечественных учёных (преимущественно гуманитарных дисциплин), в которых говорится о коренном населении Аляски и взаимодействии с ним русских в период существования там российских колоний со второй половины XVIII в. и до 1867 г., когда они были проданы США. Приходится с сожалением констатировать в целом невысокий уровень знаний по указанной тематике значительного числа российских авторов, что находит отражение в их научных трудах.

Ключевые слова: коренное население Аляски, Русская Америка, российская колонизация, отечественная историография.

A. V. Grinëv

INDIGENOUS PEOPLES OF RUSSIAN AMERICA IN THE WORKS OF RUSSIAN HISTORIANS, GEOGRAPHERS AND OTHER SPECIALISTS

The article is devoted to a critical analysis of publications by Russian scientists (primarily in the humanities) that discuss the indigenous population of Alaska and the interaction of Russians with it during the period of the existence of Russian colonies there from the second half of the 18th century until 1867, when they were sold to the United States. It is regrettable to note the generally low level of knowledge on this topic among a significant number of Russian authors, which is reflected in their scientific works.

Keywords: Alaska Natives, Russian America, Russian colonization, Russian historiography.

«Русской Америкой» сейчас принято обозначать бывшие российские владения в Новом Свете, которые включали в себя территорию нынешнего американского штата Аляска. С конца XVIII в. эти земли принадлежали России (в международно-признанных границах – с 1825 г.), а в 1867 г. были проданы США. К Русской Америке, кроме того, причисляют маленький анклав в Калифорнии – Форт-Росс, находившийся в 80 км к северо-западу от Сан-Франциско. Просуществовал он относительно недолго – с 1812 по 1841 г. Условно в «орбиту» Русской Америки входили также Командорские и Курильские острова (до острова Итуруп), поскольку ими, как и самой Русской Америкой, с 1799 г. управляла находившаяся под эгидой государства монопольная Российско-американская компания (РАК).

Населяли Русскую Америку три основные этнические общности – алеуты на одноимённых островах и западной части полуострова Аляска, индейцы – внутриматериковые атапаски и жившие на Северо-Западном побережье эяки (ияк), тлинкиты и хайда-кайгани, а также различные группы эскимосов (сугпиак, юпик, инупиат), обитавшие на побережье Тихого и Ледовитого океанов и прилегающих островах от залива Принс-Уильям на юго-востоке и до берегов моря Бофорта на севере.

Традиционно изучением коренных народов Русской Америки и их контактов с европейскими колонизаторами занимались этнографы, антропологи и этноисторики. Тем не менее, в постсоветский период проблемы бывших российских колоний в Новом Свете стали всё чаще интересоваться представителей других наук – отечественных географов, культурологов, политологов, экономистов и юристов, не говоря уже об историках. Последние посвятили Русской Америке немало работ, хотя обычно весьма бегло затрагивали в них этническую тематику. С сожалением приходится констатировать, что познания в сфере этнографии народов Аляски у служителей Клио, как правило, оставляют желать много лучшего. Вспомним одного из наиболее одиозных представителей отряда отечественных историков – Л. Н. Гумилёва, который, напомним, был профессором Ленинградского государственного университета, доктором исторических и кандидатом географических наук. Расцвет его популярности пришёлся на 1990-е гг., однако учение Гумилёва об этногенезе продолжает сохранять сторонников до сих пор. Не вдаваясь в детали его псевдонаучной теории, отмечу только, что теоретическая эклектика у него сочеталась с пренебрежением к историческим фактам, связанным с Аляской, её историей и этнографией. Так, он писал

в своей ключевой монографии «Этногенез и биосфера Земли», что у индейцев тлинкитов, обитающих в Юго-Восточной Аляске, классовые отношения были развиты лучше, чем у ацтеков в Мексике. Опять же по нелепому утверждению Гумилёва иннуиты (эскимосы), распространились из Океании(!) и отогнали индейцев до южной границы Канады, то есть до 49-й параллели(!). Наконец, Гумилёв сообщал, что русские, продвигаясь в Новый Свет, смогли заручиться поддержкой алеутов и эскимосов, но несмотря на это, не ладили с индейцами Аляски и Калифорнии, а потому не смогли там закрепиться [14, с. 190–191, 197–198, 314, 414]. Получается, главная причина ухода русских из Америки – это конфликты с индейцами, в том числе Калифорнии, с которыми русские вообще никогда не воевали. Всё это полный абсурд с научной точки зрения, тем не менее, основополагающая монография Гумилёва постоянно переиздается массовым тиражом (первое издание было в 1989 г., последнее – в 2023 г.: издательства Азбука, Айрис-пресс, АСТ).

Часто ошибки историков и других специалистов порождались (и порождаются до сих пор) путаницей в этнонимах. Дело в том, что в отечественных источниках XVIII–XIX вв. эскимосов крупного острова Кадьяк у берегов Южной Аляски, где возникло первое постоянное русское поселение в Америке (1784), обычно именовали «алеутами» из-за сходства материальной культуры двух этносов. Впрочем, сами русские прекрасно осознавали различия между ними. Так, капитан Гавриил Сарычев, побывавший на Алеутских островах и Кадьяке в начале 1790-х гг., писал: «Жители острова Кадьяка, хотя живут в соседстве с алеутами, но совсем отменны от сего народа: гораздо их великорослее, лицо имеют шире и площе, говорят совсем другим языком» [29, с. 151]. Кроме того, Сарычев отмечал некоторые различия в материальной культуре, например, байдарки у кадьякцев были вдвое шире алеутских, гораздо короче и по большей части двухлучные (двухместные). Вместе с тем, в документах РАК под «алеутами» порой подразумевались любые зависимые туземные работники компании, невзирая на их этническую принадлежность. В то же время в источниках коренных обитателей острова Кадьяк иногда именовали «конягами», «кадьячанами», «кадьякцами», «кадьякскими алеутами» [4, ч. II, с. 94, 104, 105; 28, с. 68, 73; 33, с. 22, 23; 35, с. 39, 40 и др. раб.].

Здесь следует добавить, что в конце XVIII – начале XIX в. основной контингент байдароч-

ных флотилий РАК для добычи самого ценного пушного зверя – калана – составляли не алеуты, а более многочисленные эскимосы Кадьяка и близкородственные им обитатели материкового берега к северу от острова. Они были известны в русских источниках как «аляскинцы», а также близкие по языку и культуре эскимосы чюгачи, жившие на берегах залива Принс-Уильям. «Коняги и чюгачи разговор имеют одинакой, кенайцев [индейцы денаина] же разговор и жизнь совсем особые», – отмечал в своих записях основатель первого русского поселения в Америке, известный купец Григорий Шелихов [35, с. 59].

Другим этнонимом, с которым у исследователей периодически возникают проблемы – это этноним «кóлоши» («колюжи»). В пределах Русской Америки к колошам относили прежде всего тлинкитов и хайда-кайгани. Поскольку среди всех племён Северо-Западного побережья Америки наиболее продолжительные и интенсивные контакты у русских были именно с тлинкитами, этноним «колоши» употреблялся обычно по отношению к последним. Это привело к тому, что в научной литературе данный термин соотносится, как правило, только с тлинкитами, хотя это и не совсем верно, так как русские обозначали им и представителей других племён Северо-Западного побережья [8]. Например, известный русский миссионер Иван Вениаминов (святитель Иннокентий) сообщал в своих записках: «Под именем Колош или Колюжей известны народы, населяющие северо-западный берег Америки от 45 до 60 градусов, т. е. от реки Колумбия до горы Св. Ильи...» [4, ч. III, с. 26].

Неудивительно, что из-за путаницы с этнонимами и слабого знания этнической специфики в научной литературе уже давно возникают всякого рода недоразумения. Так, в монографии доктора исторических наук Е. В. Чистяковой говорилось: «Приручению воинственных коняг (колошей) в "Записках" Шелихова уделено много внимания. <...> Особенно подробно описаны внешность, одежда, образ жизни, формы торговли местных жителей (нанайцев, южной группы эскимосов и др.)» [34, с. 22, 67–68]. Разбор этого пассажа можно начать с того, что глагол «приручение» используется в русском языке обычно в отношении животных, а не людей. Эскимосы коняги не являлись «кóлошами» – этим термином, как уже говорилось, русские называли тлинкитов и других индейцев Северо-Западного побережья Америки. Нанайцы же не относятся к эскимосам, никогда не жили

в Новом Свете, а до сих пор обитают в низовьях р. Амур.

В изданной в 2012 г. монографии о супруге Григория Шелихова – Наталье Шелиховой – доктор исторических наук А. Ю. Петров, описывая деятельность православной миссии на Кадыяке в конце XVIII в., сообщает, что «*были крещены жители ближних селений о-ва Кадыак, начиная с индейцев-тлинкитов*» [25, с. 77]. Тлинкиты никогда не жили на Кадыяке, а обитали гораздо южнее на материковом побережье и прилегающих островах. Причём сам автор признает, что коренными жителями Кадыака были эскимосы, но затем вновь называет вывезенных в Иркутск в 1789 г. молодых кадыакцев «индейцами» [25, с. 82]. Вероятно, он не видит между ними никакой существенной разницы.

Приведём ещё один, более свежий пример путаницы с этнонимами в статье доктора исторических наук, профессора Ю. Ф. Лукина, которая была опубликована в 2021 г. в журнале «Арктика и Север». По его мнению, в основанной в 1799 г. русской крепости на острове Ситха (Ситка или Баранова) жили алеуты, хотя на самом деле это были эскимосы Кадыака. Равным образом профессор Лукин пишет, что во время похода главного правителя Русской Америки Александра Баранова против тлинкитов в 1804 г., русским помогали алеуты [20, с. 241–242]. Но и в этом случае правильнее говорить не об алеутах, а об эскимосах Кадыака, аляскинцах, чугачах и индейцах денаина, которых русские называли «кенайцы». Информацию об этом можно почерпнуть в записях участника событий капитан-лейтенанта Юрия Лисянского, помогавшего Баранову овладеть крепостью тлинкитов на острове Ситха в 1804 г. Он свидетельствовал: «*Партия Баранова была составлена из жителей кадыакских, аляскинских, кенайских и чугатских*» [19, с. 156].

Помимо затруднений с этнической идентификацией аляскинских туземцев, ещё одной периодически возникающей проблемой в отечественной историографии является численность коренного населения Аляски периода Русской Америки. Особенно часто неверные данные приводятся относительно воинственных индейцев колошей, которых исследователи часто отождествляют либо исключительно с тлинкитами, либо вообще со всеми индейцами Аляски. Приведу несколько примеров. Так, уже упомянутый А. Ю. Петров и кандидат исторических наук Ю. С. Егорова пишут в своей статье: «*Численность тлинкитов доходила до 20 тыс.*

человек» [26, с. 202]. Невольно возникает вопрос: к какому периоду относится эта цифра и откуда её взяли авторы, потому что никаких ссылок на источник не сделано. Поэтому остаётся предположить, что они сами подсчитали количество этих индейцев. Если же обратиться к историческим источникам, то интересующая нас цифра будет значительно скромнее. Побывавшие в Русской Америке первой трети XIX в. Ю. Ф. Лисянский и И. Е. Вениаминов определяли численность колошей в русских владениях (включая в их состав не только тлинкитов, но и хайда-кайгани) примерно в 10 тыс. человек [19, с. 216; 4, ч. III, с. 29–30]. С другой стороны, в научной литературе называют и куда более весомую цифру численности колошей. В частности, доктор экономических наук Я. М. Миркин указывает в своей статье, что индейцев тлинкитов на Аляске в 1860 г. насчитывалось от 36 до 40 тыс. человек [23, с. 39]. Чтобы оспорить это утверждение снова обратимся к историческим источникам. По данным описи жителей индейских селений, составленной служившим в Русской Америке лейтенантом Фердинандом Верманом, на начало 1860-х гг. колошей насчитывалось 8 121 человек (из них тлинкитов – 7 363) [30, ч. II, с. 341]. Таким образом, профессор Миркин преувеличил их численность примерно в 5 раз.

Заканчивая этот сюжет, приведём ещё один пример некорректного обращения с цифровым материалом. Так, в коллективной статье, вышедшей в 2021 г., академик РАН, заслуженный географ РФ П. Я. Бакланов и ещё два доктора географических наук сообщают следующие данные о численности коренных жителей Русской Америки к концу её существования: «*Здесь проживало лишь 2,5 тыс. русских и 60 тыс. аборигенов, из которых 50 тыс. составляли воинственно настроенные индейцы*» [3, с. 8]. При этом учёные-географы ссылаются на монографию А. В. Зорина о русско-тлинкитской войне, но там отсутствует такая информация [16]. Поэтому 50 тыс. «*воинственно настроенных индейцев*» – это нечто из мира фантазий. Кстати, русских (а точнее – выходцев из метрополии) в американских колониях России никогда не проживало свыше 820 человек, поэтому цифра 2 500 представляется также явно завышенной [31, с. 136–146].

Помимо проблем с численностью коренных жителей Аляски в период Русской Америки и идентификацией их этнонимов, ряд отечественных исследователей различной специализации до сих пор находятся в плену, по сути,

советских стереотипов восприятия российской колонизации Сибири и Аляски. Дело в том, что в послевоенный период под влиянием нескольких внутренних и внешних факторов, процесс освоения русскими Сибири и Нового Света стал трактоваться как более прогрессивный и гуманный в отношении коренного населения в сравнении с испанской и английской колонизацией Америки и Австралии [9]. Восстания туземцев Аляски, их конфликты с русскими либо замалчивались, либо объяснялись подстрекательствами иностранцев [1, с. 55; 2, с. 29, 33–34; 21, с. 51; 22, с. 51 и др. раб.]. В настоящее время можно наблюдать ползучее возрождение этой концепции [15, с. 27, 30; 32, с. 92–93]. Например, в статье о российском фронтире при освоении Сибири кандидат исторических наук К. И. Зубков и его соавтор, член-корреспондент РАН И. В. Побережников пишут о сложившемся здесь «относительно толерантном и конструктивном механизме межэтнических и межкультурных взаимодействий» между пришлым и местным населением [18, с. 235]. Аналогичную мысль высказывает и кандидат юридических наук Д. В. Галкин, сообщая об особенностях колонизации Сибири: «...Она была относительно мирной по отношению к коренному населению, во всяком случае, по сравнению с аналогичными экспансиями других европейских государств в это же и в предшествующее время (испанцев в Мексике, англичан в Австралии) и даже в последующие исторические периоды (освоение Дикого Запада в Северной Америке)» [7, с. 42]. Совершенно очевидно, что данному автору было бы полезно ознакомиться с историческими источниками, содержание которых, мягко говоря, не соответствует его рассуждениям о характере российской колонизации Сибири в XVII–XVIII вв.

Что касается представлений о статусе коренного населения российских колоний и описаний конкретных исторических событий, где были задействованы туземцы Русской Америки, то и в этих случаях отечественные историки и специалисты иных научных направлений снова демонстрируют отсутствие достаточных знаний источников и литературы. Так, например, уже упомянутые выше А. Ю. Петров и Ю. С. Егорова пишут: «Местное население Русской Америки делилось на три категории: зависимые инородцы (алеуты и эскимосы), полузависимые (атапаски) и независимые (тлинкиты)» [26, с. 202]. Ссылка на источник информации отсутствует – это принципиальный недостаток

произведений большинства отечественных авторов, о чем мне доводилось неоднократно писать [10 и др. раб.]. На самом деле к «зависимым инородцам» в Русской Америке относились алеуты, кадьякцы, аляскинцы и чугачи, но не вообще все эскимосы Аляски, многие из которых не признавали власти русских, а то и вовсе не имели с ними никаких контактов (ряд групп северных инупиатов). Что касается атапасков, то из них денаина были подчинены русскими ещё в конце XVIII в. и потому относились к «зависимым инородцам», вследствие чего были вынуждены участвовать в байдарочных флотилиях РАК по добыче калана, хотя и в очень ограниченном масштабе. Остальные атапаски были фактически независимыми, а равным образом северные и западные эскимосы, индейцы эяки и хайда-кайгани, не говоря уже о тлинкитах. С юридической стороны вопроса законодательные акты сводили все коренное население Русской Америки лишь в две большие группы: 1) «островитян» или «оседлых инородцев» и 2) «обитателей берегов Америки» или «инородцев, не совершенно зависящих от колониальной власти, но обитающих во владениях колоний» [27, т. XXXVII, с. 850–852; собр. II, т. XIX, с. 636–638]. Однако вдаваться во все эти детали А. Ю. Петров и Ю. С. Егорова посчитали для себя совершенно излишним, параллельно демонстрируя слабое знание предшествующей историографии, где этот вопрос был рассмотрен достаточно подробно [11, с. 223–224].

Слабая компетентность в сфере этноистории Русской Америки – это ещё полбеды. Беда начинается, когда в ход идут различные фантазии на тему конкретных исторических эпизодов с участием коренных жителей Аляски. В этом отношении примечательны две статьи, принадлежавшие перу кандидата географических наук А. Б. Волынчука и доктора тех же наук В. Г. Шведова. Хотя обе работы опубликованы в разных журналах, но содержание их почти идентично и посвящено Русской Америке. При этом авторы не оставили без внимания некоторые аспекты её этнической истории. Так, они сообщали о раннем периоде освоения Русской Америки следующее: «В течение 1743–1764 гг. на Алеутских островах и материковом побережье от мыса Гвоздева до полуострова Кенай побывали 70 частных русских экспедиций <...>. Российское подданство приняли все прибрежные поселения эскимосов и алеутов. При этом процесс их подчинения протекал в основном мирно» [5, с. 143; 6, с. 26]. Правда, здесь же в сноске авторы ука-

зывают, что незначительные стычки все же имели место на полуострове Аляска в 1763–1764 гг.

Приступая к анализу приведённого выше текста, необходимо уточнить, что, во-первых, в указанный период всего одна экспедиция квартирмейстера Гавриила Пушкарёва побывала на материковом полуострове Аляска в 1761–1762 гг. У мыса Гвоздева русские вообще не появлялись после 1732 г. несколько десятилетий, причём до полуострова Кенай они добрались лишь в 1785 г. Во-вторых, к 1764 г. только очень небольшая часть алеутов чисто номинально приняла российское подданство, а эскимосы были совершенно независимы – русские смогли покорить южных эскимосов куда позднее – в 1784–1793 гг. Наконец, процесс подчинения алеутов и эскимосов сопровождался многочисленными конфликтами, в которых погибли сотни человек. В частности, в 1763–1764 гг. произошло крупное восстание алеутов Лисей гряды (а не полуострова Аляска), в котором потери со стороны русских и камчадалов составили минимум 175 человек и 4 купеческих судна, а со стороны алеутов, очевидно, свыше сотни человек [11, с. 122, 125–128]. Поэтому вряд ли можно говорить о «незначительных стычках», о чем пишут А. Б. Волынчук и В. Г. Шведов.

А далее в статьях этих географов говорится о непростых взаимоотношениях русских с индейцами тлинкитами: «...Ранее отношения с коренным населением развивались в целом ровно. Однако на архипелаге Александра русские вступили в контакт с кланами тлинкитов, которых обобщённо именовали "колошами". Их развитое территориально-политическое самосознание и воинствующие ментальные установки серьёзно осложняли ситуацию» [5, с. 144; 6, с. 27]. Как уже говорилось выше, отношения между русскими и коренными жителями Аляски носили далеко не всегда мирный характер ещё до непосредственных контактов с тлинкитами, а, во-вторых, эти индейцы не могли иметь никакого политического самосознания по причине отсутствия у них государства. Кроме того, вызывает недоумение словосочетание «воинствующие ментальные установки» (неужели они тоже участвовали в боевых столкновениях сами по себе наряду с индейцами?).

Далее наши авторы сообщают и вовсе удивительные сведения, цитирую подряд несколько абзацев: «Серьёзной внутренней проблемой Аляски являлись отношения с колошами. Большинство их кланов были раздражены строительством на их территории форта Якутат.

Поэтому реакция колошей на возведение в 1802 г. южнее Якутата нового русского форта, Ситхи, была мгновенной и острой: Ситха была захвачена, а её население перебито. Несмотря на это крупное поражение, РАК не обнаружила намерений к отступлению и в 1804 г. получила подкрепление: корабль "Нева" под командованием Лисянского, который подверг обстрелу поселения колошских кланов, уличённых в нападении на Ситху. Сожжённый форт был восстановлен под названием Ново-Архангельск, и в него из Кадьяка был перенесён административный центр Русской Америки. В дальнейшем отношения с колошами балансировали на грани войны. В 1805 г. они уничтожили Якутат и пытались иштурмовать Ново-Архангельск. Обстановка отчасти стабилизировалась к 1821 г. при посредничестве центрального российского правительства, которое под влиянием царивших при дворе Александра I либеральных веяний обязало РАК соблюдать ряд стеснявших её пунктов. Так, ей запрещалось приобретать за деньги и занимать силой оружия земли колошей, возводить новые форты, взимать с них налоговые сборы. Компании с трудом удалось отстоять введённый ею запрет на продажу индейцам огнестрельного оружия и алкоголя. Впоследствии в системе отношений "РАК – колоши" российское правительство занимало позицию в пользу последних. Например, в 1842 г. был введён титул верховного вождя колошей, напрямую подчинённого Петербургу. Тогда же РАК фактически лишилась своего "компанийского" статуса, т. к. должность её управляющего перестала быть выборной; на неё отныне назначался военный чиновник из столицы. Разумеется, колоши не могли разобраться в тонкостях отношений между Ново-Архангельском и Петербургом и считали их разными, едва ли не противостоящими сторонами. Среди кланов произошёл внутренний раскол. Одни из них ориентировались на "ближних русских", а другие – на "дальних". Это разделение продемонстрировали события 1825 г., когда одна часть колошей организовала новое нападение на Ново-Архангельск, а другие встали на его защиту» [5, с. 147–148; 6, с. 28–29].

Разберём этот пространный пассаж предложение за предложением. Взаимоотношения между русскими и колошами не являлись «серьёзной внутренней проблемой Аляски», как пишут Волынчук и Шведов, поскольку касались исключительно русских и тлинкитов, а не вообще всех народов этого огромного региона. Многие из них не имели никаких

контактов ни с теми, ни с другими, а порой просто не подозревали об их существовании. То же самое можно сказать и по поводу недовольства тлинкитских кланов строительством в 1796 г. русского укрепления и селения у побережья залива Якутат. Здесь проживали представители лишь 4–5 тлинкитских кланов [36, с. 436–439], а остальным (их насчитывалось более 60) было мало дела до того, что происходит вне пределов их клановой территории, если только речь не шла об их сородичах. Кстати, в русских источниках никогда не использовалось название «форт Якутат», а в ход шли иные обозначения: «Якутатское селение», «Славороссия», «Новороссийское селение», а то и просто «Якутат» [11, с. 200–201]. Южнее русские возвели новое укрепление на острове Ситха не в 1802 г., а в 1799, наименовав его крепостью «Св. Архистратига Михаила» («Михайловская крепость»). В 1802 г. тлинкиты атаковали и сожгли это укрепление, но не перебили всё его население, как утверждают Волынчук и Шведов, а часть (прежде всего женщин с детьми) захватили в плен. Опять же, к нападению на Михайловскую крепость индейцы готовились долго и тщательно, а потому говорить о том, что их реакция на постройку русского укрепления на Ситхе была *«мгновенной и острой»* явно не приходится. Командир шлюпа «Нева» капитан-лейтенант Лисянский в 1804 г. не подвергал обстрелу *«поселения колошских кланов, уличённых в нападении на Ситху»*, а лишь помогал огнем артиллерии своего корабля в бомбардировке тлинкитской крепости, расположенной в западной части этого острова, при её штурме русскими во главе с А. А. Барановым. Сожжённая индейцами в 1802 г. Михайловская крепость не была восстановлена под названием Ново-Архангельск – последний возник в 6 км от руин бывшей русской крепости на месте брошенного тлинкитами селения. Они вовсе не пытались штурмовать Ново-Архангельск в 1805 г., а, наоборот, заключили с Барановым мир, свидетелем чего был Ю. Ф. Лисянский [19, с. 148–162, 197–205]. Отношения с тлинкитами заметно улучшились после 1821 г. не благодаря мерам российского правительства, как пишут Волынчук и Шведов, а в результате разрешения этим индейцам поселиться под стенами Ново-Архангельска с санкции колониальной администрации. При этом РАК вовсе не запрещалось приобретать земли у тлинкитов, а также строить на их территории укрепленные фактории, просто для этого требовалось их согласие [27, т. XXXVII, с. 852]. Между правитель-

ством и РАК не было никаких разногласий по поводу возможной продажи индейцам огнестрельного оружия и алкоголя; кроме того, царские власти никогда не поддерживали тлинкитов в ущерб интересам компании. Должность *«главного колошского тоена»* (вождя) была введена по инициативе РАК, а не правительства, а избранного на эту должность крещёного тлинкитского вождя Михаила Кухкана контролировала колониальная администрация, а не Петербург [11, с. 403–404]. В свою очередь должности *«управляющего РАК»* вообще никогда не существовало: был главный правитель колоний, которого выбирали директора РАК в Петербурге, и утверждал император, причём с 1818 г. (а не с 1842) эту должность занимали исключительно офицеры военного флота. Естественно, что тлинкиты в принципе не могли иметь никаких представлений о столице Российской империи, поскольку за все время существования Русской Америки там побывало менее десятка этих индейцев. А потому никакого раскола по поводу поддержки «разных русских» между тлинкитскими кланами не было, равно как и нападения индейцев на Ново-Архангельск в 1825 г. Невольно приходится удивляться: откуда только отечественные географы берут подобную информацию?

Не отстают от них и некоторые историки. Так, излагая эпопею с осадой тлинкитской крепости на острове Ситха силами Баранова в 1804 г., профессор Ю. Ф. Лукин сообщает всякие фантастические детали, явно почерпнутые из индейских легенд, а также иные вымыслы. Он пишет: *«Ни обстрел форта тлинкитов, ни атака на форт не нанесли им значительного ущерба. Вождь [тлинкитов] Катлиан не один раз проникал в лагерь русских и крошил всё, что движется, своим боевым молотом. Против тлинкитов сработали два роковых события – неожиданное прибытие русского фрегата "Нева" и потеря каноэ, перевозившего их резервные боеприпасы и наиболее закалённых воинов прямо перед боем. Тлинкиты [так в тексте] обстреливали русские корабли из своих пушек (фальконетов). Подоспевший корабль "Нева" открыл мощный ответный огонь, нанеся индейцам ощутимый урон»* [20, с. 242]. И далее: *«Через несколько дней обороны индейцы из племени киксади сами покинули форт и двинулись на север, к проливу. Там они установили торговую блокаду, продолжая охотиться, ловить рыбу и собирать дикую пищу в проливе Ситка и вблизи него. Битва при Ситке положила конец*

открытому сопротивлению тлинкитов [так в тексте], но русские были в безопасности только до тех пор, пока они были бдительны» [20, с. 243].

Начнём с того, что военный предводитель тлинкитского клана киксади Катлиан никогда не проникал в лагерь русских, и потому не мог нанести там кому-то хотя бы минимальный ущерб. Корабль «Нева» был военным шлюпом, а не фрегатом, и его артиллерийский огонь имел ограниченный эффект, что признавал его командир, капитан-лейтенант Лисянский, описывая индейское укрепление и его стены, состоявшие из массивных стволов деревьев: *«Палисад был так толст, что немногие из наших пушечных ядер его пробивали; а потому побег ситкинцев надо приписывать имевшемуся у них недостатку в порохе и пулях» [19, с. 162].* Уточню, что отдельного «племени киксади» у тлинкитов не было, это был один из кланов, хотя и самый могущественный среди других, населявших западную часть острова Ситха. Оставив своё укрепление после столкновения с русскими, индейцы бежали не на север, как пишет Лукин, а на восточный берег острова, где они выстроили новую крепость у пролива Чатам, а не Ситка. Никакой торговой блокады они, естественно, не устанавливали. И сражение при Ситке вовсе не положило конец открытому сопротивлению тлинкитов, как полагает профессор Лукин, поскольку они впоследствии ещё несколько раз нападали на служащих РАК, и даже атаковали Ново-Архангельск в 1855 г., после чего пришлось перебросить в столицу Русской Америки дополнительно ещё одну роту из состава сибирских линейных батальонов осенью 1857 г. [11, с. 438–440, 452].

Заканчивая краткий обзор отражения этнической истории Аляски на страницах трудов отечественных учёных различного профиля, можно отметить, что помимо гуманитариев, прошлое Русской Америки изредка привлекает внимание представителей научных дисциплин, весьма далёких от этой тематики. Так, доктор технических наук, действительный член Академии социального образования В. А. Пархимович опубликовал в 2019 г. статью «Загадки Аляски», где пишет: *«Согласно сохранившимся сведениям у русских колонистов не было никаких столкновений с местными индейскими племенами. Так, Григорий Шелихов, ещё в 1784 году основавший первое русское поселение в Америке, в отличие от устроенной в своё время Колумбом резни местного населения, не только наладил с ним мирные отношения, но и организовал*

несколько школ для индейцев. Эта уникальная практика напрямую проистекала из официальной политики Российско-американской компании, устав которой строго запрещал эксплуатацию местного населения и предписывал организацию частых проверок соблюдения этого требования» [24, с. 27–28].

Кто хоть немного знаком с историей Русской Америки, прекрасно знает, что как раз Шелихов устроил если не резню, то что-то близкое к тому, уничтожив поселение эскимосов (а не индейцев, как пишет профессор Пархимович) на острове Кадыак. Причём при этом погибло несколько сот человек, да и в дальнейшем подчинял местных жителей вооружённой рукой и жестоко расправлялся с ними [17]. На Кадыаке Шелихов организовал всего одну школу, а не несколько подобных заведений и умер за четыре года до образования РАК, в уставных документах которой не было строгих запретов на эксплуатацию туземцев, а лишь вводились некоторые ограничения использования труда «зависимых инородцев» [27, т. XXXVII, с. 851; собр. II, т. XIX, с. 636–638].

Подводя общие итоги, следует сказать, что в данной статье приведены лишь наиболее яркие примеры осмысления этнических реалий Русской Америки в трудах российских специалистов, и эти примеры, конечно, не исчерпывают всех подобных казусов в отечественной историографии. Мне уже приходилось не раз писать о том, что причина этого весьма банальна и кроется в пренебрежении историческими источниками и авторитетной литературой, в результате чего выверенные исторические факты замещаются недостоверной информацией, порой почерпнутой из Интернета, а то и вовсе собственными фантазиями авторов [12; 13]. Многие из них просто не вдаются в какие-либо этнографические детали, связанные с коренным населением Аляски, традиционно уделяя основное внимание достижениям русских землепроходцев, мореходов, миссионеров и администраторов. Для них местное население – эта некая серая масса на заднем фоне исторической сцены, где действует их герой или герои. А очень часто о местных жителях не упоминается вообще, как будто на Аляске до прихода русских никто не жил. Многие историки, не говоря уже о представителях иных научных направлений, не осознают, что именно туземцы не только составляли подавляющее большинство населения Аляски и значительной части русских поселений, но и выступали как основ-

ная производительная сила российских колоний. Без широкого использования туземной рабочей силы существование последних было бы невозможно, или, по меньшей мере, крайне затруднено. В конечном счёте приходится

с сожалением отмечать в целом невысокий уровень значительной части работ отечественных специалистов различных научных дисциплин, посвящённых проблемам Русской Америки в целом, и её коренному населению в частности.

1. *Агранат Г. А.* Судьбы Русской Америки // США: экономика, политика, идеология. 1997. № 11. С. 52–63.
2. *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М. : Наука, 1982.
3. *Бакланов П. Я., Шведов В. Г., Романов М. Т.* Тихоокеанский вектор в пространственном развитии России и США: основные рубежи и этапы // Известия Русского географического общества. 2021. Т. 153, № 3. С. 3–16.
4. *Вениаминов И. Е.* Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1840. Ч. II–III.
5. *Волынчук А. Б., Шведов В. Г.* Геополитические аспекты освоения русскими людьми Северной Америки // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2011. № 1. С. 140–151.
6. Они же. Русская Америка — опыт геополитического освоения // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Политические науки. Востоковедение. 2011. Вып. 10, № 14. С. 25–31.
7. *Галкин Д. В.* О роли реформ Петра I в продвижении европейской правовой культуры до берегов Тихого океана // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 2. С. 41–47.
8. *Гринёв А. В.* Об этнониме «кóлоши» // Советская этнография. 1986. № 1. С. 104–108.
9. Он же. Некоторые тенденции в отечественной историографии российской колонизации Аляски // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 163–167.
10. Он же. Проблемы цитирования в отечественной историографии (на примере научных работ по истории Русской Америки) // Клио. 2014. № 10. С. 136–141.
11. Он же. Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). М. : Academia, 2016.
12. Он же. Тема Русской Америки на страницах юридической периодики // Историческая экспертиза. 2022. № 1. С. 256–285.
13. Он же. Русская Америка и ее проблемы на страницах трудов современных отечественных экономистов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия: История. 2023. Т. 68, вып. 1. С. 277–300.
14. *Гумилёв Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М. : Мишель и Ко, 1993.
15. *Ельчанинов А. И.* Русские географические названия на карте Аляски и Алеутских островов как объект культурного нематериального наследия // Журнал института наследия. 2021. № 2. С. 23–36.
16. *Зорин А. В.* Индейская война в Русской Америке: русско-тлинкитское военное противостояние. Курск : Изд-во КГМУ, 2002.
17. Он же. Шелихов на Кадьяке // Американистика: актуальные подходы и современные исследования : межвуз. сб. науч. тр. Курск, 2009. Вып. 2 : Памяти академика Н. Н. Болховитина / под ред. Т. В. Алентьевой. С. 63–83.
18. *Зубков К. И., Побережников И. В.* Восточный фронт русско-американской колонизации в контексте модернизационной динамики // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 235–263.
19. *Лисянский Ю. Ф.* Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803–1806 годах. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1947.
20. *Лукин Ю. Ф.* О Русской Аляске и её правителе А. А. Баранове // Арктика и Север. 2021. № 45. С. 229–255.
21. *Ляпунова Р. Г.* Алеуты. Очерки этнической истории. Л. : Наука, 1987.
22. *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М. : Наука, 1968.
23. *Миркин Я. М.* Чемодан без ручки. Почему Аляска, ставшая 200 лет назад русской землёй, оставалась ею только 46 лет // Родина. 2021. № 9. С. 38–43.
24. *Пархимович В. А.* Загадки Аляски // Инновации в гражданской авиации. 2019. Т. 4, № 1. С. 16–35.
25. *Петров А. Ю.* Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М. : Весь Мир, 2012.
26. *Петров А. Ю., Егорова Ю. С.* Истоки освоения Русской Америки их восприятие в современном штате Аляска // Американский ежегодник. 2020. М. : Весь мир, 2020. С. 198–205.

27. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. : Тип. II Отд. Собственной Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. Т. XXXVII; Собр. II. СПб., 1845. Т. XIX.
28. Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / ред.: А. Д. Дридзе, Р. В. Кинжалов. М. : Мысль, 1994.
29. Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану... М. : Географгиз, 1952.
30. Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб. : Тип. Эдуарда, 1863. Ч. II.
31. Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии: конец XVIII в. – 1867 г. М. : Наука, 1971.
32. Фугина О. А. Освоение русскими Северной Америки: возникновение русско-американских культурных связей // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2017. № 3. С. 86–95.
33. Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / сост.: Р. Г. Ляпунова, С. Г. Федорова. Л. : Наука, 1979.
34. Чистякова Е. В. Русские страницы Америки. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 1993.
35. Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам / под ред. Б. П. Полевого. Хабаровск : Хабар. кн. из-во, 1971.
36. Emmons G. T. The Tlingit Indians / Ed. with add. by F. de Laguna and biogr. by J. Low. Seattle and London : University of Washington Press, 1991.